Александр Костюков

Два понимания повседневности в теории фреймов и допущение Джеймса о необходимости разрешения противоречий

Теория фреймов Ирвинга Гофмана содержит два понимания повседневности, находящихся в противоречии. Согласно первому, повседневность — верховная реальность, а остальные миры — лишь ее менее реальные трансформации; согласно другому, повседневность — одна из множества рядоположенных реальностей, которая, в свою очередь, сама может выступать в качестве результата трансформации других миров. В статье осуществляется историко-теоретический анализ корней противоречия в осмыслении повседневности, а также предпринимается попытка его разрешения.

Ключевые слова: повседневность, теория фреймов, Ирвинг Гофман, Уильям Джеймс.

Гофман: два понимания повседневности

«Анализ фреймов» Ирвинга Гофмана как теоретический проект содержит два понимания повседневности. Согласно первому, повседневность есть верховная реальность: «...рутинную деятельность надо воспринимать со всей серьезностью — как часть реальности, которая имеет первостепенное значение. Даже если мы [...] с головой уходим в фиктивные области бытия, приписывая какой-либо из них статус реальности, то и в этом случае рано или поздно обнаруживается вторичность и ненадежность восприятия, не соответствующего действительному положению вещей. Так может быть прочитан Джеймс и даже Шюц. Делать это столь же удобно, сколь легко» [Гофман, 2003, с. 677]. На особый статус повседневности также указывает понятие *первичных* систем

Костюков Александр Олегович — слушатель факультета социологии МВШСЭН. E-mail: aokostyukov91@gmail.com.

Автор благодарит Виктора Вахштайна за комментарии к ранней версии текста.

фреймов (под самой повседневностью понимается реальность, воспринимаемая посредством первичной системы фреймов).

В рамках второго понимания повседневность — не верховная или первичная, не самая реальная реальность, но одна из множества рядоположенных. Гофман делает акцент на том, что «любое из изображений может быть в свою очередь создано путем копирования нечто такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция. (Бесценная [авторская] акварель, хранимая по соображениям безопасности в папке с репродукциями, оказывается в данном контексте лишь репродукцией.)» [Там же, с. 677, скобки в оригинале]. Несмотря на то, что для транспонирования необходим исходный материал («если нет исходной схемы, то нечего переключать» [Там же, с. 106]), он в свою очередь также может быть результатом трансформации. Таким образом, в мире, где сон является фабрикацией повседневности, а повседневность — транспонированием сновидения, в череде фантазий и ритуалов, галлюцинаций и теоретизирования, статус реальности для Гофмана приобретают сами трансформации (поэтому он предлагает ряд ключей, формул транспонирования и рассматривает типы фабрикации).

Второе осмысление повседневности большей частью представлено в последней главе «Анализа фреймов». Можно предположить, что именно к нему приходит Гофман в завершении работы над своим *opus magnum*. Как отмечает Л. Хазерлигг, при первом приближении может показаться, что «Анализ фреймов» распадается на две книги: одна включает в себя главы «Введение» и «Заключение», а другая — двенадцать глав, расположенных между ними. «Однако, если мы предположим, что Гофман назвал свои первые и последние главы, учитывая их отношение к главам между ними, мы должны оспорить эту гипотезу „о двух книгах“: в конце концов первая глава действительно начинает все, что идет вслед за ней — даже если начало и все, что за ним следует, будут разниться по тому, как они читаются — и последняя глава действительно подытоживает все, что ей предшествовало» [Hazerligg, 2000, p. 148]. Хазерлигг апеллирует к тому, что «Анализ фреймов» предельно самореферентен, вступление и заключение к нему, оставаясь его главами, призваны фреймировать восприятие основных глав.

Для Гофмана важно и то, что повседневность первична, и то, что она может быть результатом трансформации. Отказ от выдвижения второго тезиса означал бы для Гофмана потерю основного пафоса работы, намерения исследовать формулы переключений и фабрикаций. Отказаться от первого — значило бы лишиться предмета рассуждения. В «Анализе фреймов», что ясно

из подзаголовка, речь идет об организации опыта. Если предположить, что реальностью обладают лишь формулы трансформации, через которые, будто сквозь линзы различной кривизны, протекает луч опыта, о его организации как о существовании устойчивых структур восприятия и воспринимаемого не может идти речь. Тезис о первичности повседневности вводит точку отчета, являющуюся своего рода блокиратором, предотвращающим превращение жизни в фантасмагорию. В конце концов затянувшийся праздник неминуемо превращается в рутину.

Теоретическое напряжение между двумя пониманиями повседневности требует разрешения.

Его наличие не случайно. Эта работа призвана показать, что оно — результат несовместимости допущений, лежащих в основе тезиса о множественности миров и теоретического хода Гофмана, устанавливающего отношения между ними. Для того, чтобы сделать это, потребуется историко-теоретическая реконструкция линии идей Джеймса и Шюца.

Для устранения напряжения будет предпринято смягчение одного из исходных допущений, после чего будут рассмотрены следствия этого хода для теории фреймов и понимания повседневности в ней.

Джеймс: допущение о необходимости разрешения противоречий и верховенство повседневности

В статье «Психология верования» («The Psychology of Belief»), ставшей основой 21-й главы «Принципов психологии», Уильям Джеймс ставит проблему реальности как статуса объекта. Согласно Джеймсу, объект предстает в качестве реального при особой установке сознания по отношению к этому объекту, которую он называет верованием. Отказываясь от описания чувства реальности самого по себе, Джеймс задается ключевым для своего рассуждения вопросом: «При каких обстоятельствах возникает эта особая установка сознания?» [James, 1889, p. 325][1]. Иными словами, «при каких обстоятельствах мы считаем вещи реальными?» [James, 1905, p. 287].

Джеймс опирается на аксиому о том, что человек склонен верить в реальность любого объекта. Сомнения относительно него, чувство нереальности возникают только тогда, «когда эта

1 Здесь и далее ссылки на более раннюю по сравнению с «Принципами психологии» статью делаются в том случае, если цитируемый фрагмент расходится с текстом книги. Во всех остальных случаях, например, когда фрагменты совпадают, ссылки даются на книгу.

вещь опровергается какой-либо другой вещью, о которой мы имеем представление. Опровергающая вещь может в дальнейшем считаться реальной, пока в свою очередь не будет опровергнута каким-либо другим объектом нашей мысли. Любой объект, остающийся неопровергнутым, является *ipso facto* верным [believed] и установленным в качестве абсолютной реальности» [Ibid., p. 326]. Джеймс делает важное допущение о том, что противоречие между объектами непременно должно решаться: «...мы должны выбирать, какого пути придерживаться, ибо мы не можем продолжать думать двумя противоречащими путями зараз» [Ibid., p. 290]. Оно предваряет следующий этап рассуждения — ответ на вопрос о том, как этот выбор осуществляется.

Для разрешения противоречия объекты сравниваются по степени реальности. Так как они существуют не сами по себе, но связаны с другими объектами, то и сравнение происходит между объектами, представленными в целокупности своих связей.. Таким образом, речь заходит о существовании различных субуниверсумов, или миров, реальностей. Необходимость сравнения в конечном счете заставляет говорить об одном самом реальном мире: «...на деле каждый мыслитель [thinker] выбирает среди разнообразных миров один, являющийся для него миром *конечных* реалий [ultimate realities]. Объекты этого мира не подлежат обжалованию. Что противоречит верованиям о них, должно попасть в другой мир или исчезнуть» [James, 1887, p. 330]. Этим миром становится мир ощущений, практических реалий — мир повседневности. Что делает повседневность верховной реальностью?

Джеймс предлагает несколько частных ответов на этот вопрос, но все они сводимы к вниманию. «Каждый мир, *пока на него обращено внимание*, на свой момент реален. Только его реальность ускользает вместе с вниманием»[1] [James, 1905, p. 293]. Оно связано и с остротой ощущений, и с напряжением воли, и с эмоциональным и практическим интересом. На этом этапе теоретизирование Джеймса теряет свою стройность, но важно то, что все указанные свойства, накладывающиеся друг на друга, вызывающие внимание и усиливающиеся вместе с ним, в полной мере присущи только миру повседневности — миру верховной реальности.

---

1 Этот фрагмент цитировался в переведенной статье Шюца «О множественности реальности». Один из переводов отличается по смыслу от представленного: «Каждый мир в тот момент, когда на него направляется внимание, на свой манер реален, только его реальность ускользает от внимания», цит. по [Шюц, 2003, с. 3] Читателю дается возможность сравнения с оригиналом: «Each world whilst it is attended to is real after its own fashion; only the reality lapses with the attention».

В таком понимании повседневность вошла в теоретическое рассуждение. Развитие идей Джеймса приводит нас к фигуре Альфреда Шюца.

Шюц: верховенство повседневности и непроницаемость границы между мирами

Шюц вслед за Джеймсом признает, что реальность вещи дается в ее отношении к субъекту и принимает тезис о множественности реальностей, но для него психологическое исследование Джеймса служит отправной точкой исследования философского, проясняющего предпосылки существования отдельных миров и связи между этими мирами. Так, говоря о реальности мира повседневной жизни, он делает замечание: «…прагматизм по большей части представляет собой наивное описание установки человека в мире рабочих операций повседневной жизни, но не философию, исследующую предпосылки подобной ситуации» [Шюц, 2003, с. 7]. Теперь нам необходимо реконструировать, как Шюц осмысливает повседневность: выявить, что дает ей привилегированный статус верховной реальности и обозначить характер ее отношения с другими мирами.

Если Джеймс говорил о существовании субуниверсумов, то Шюц вводит понятие конечных областей смысла, потому что «именно смысл нашего опыта, а не онтологическая структура объектов конституирует реальность» [Там же, с. 17]. Назвать ряд переживаний конечной областью смысла позволяет их внутренняя совместимость, которая задается особым когнитивным стилем, присущим каждой из них. Таким образом, Шюц, говоря о наличии множества конечных областей смысла, сохраняет джеймсовское допущение о необходимости разрешения противоречия между объектами, приводящее к этому тезису. Что касается понятия когнитивного стиля, то его разложение на элементы позволяет дать описание любой конечной области смысла.

«Неповторимому когнитивному стилю каждой из […] различных областей смысла свойственно […] специфическое напряжением сознания и […] специфическое *epoché*, преобладающая форма спонтанности, специфическая форма переживания Я, специфическая форма социальности и специфическая временная перспектива»[1] [Шюц, 2003, с. 19]. Мир повседневной жизни, как конечная область смысла, соответственно, характеризуется бодрствующим, максимально напряженным сознанием,

1 Все цитаты даются без корректировок.

выражающимся в полном внимании к жизни, приостановкой сомнения (epoché) рабочей операцией как преобладающей формой спонтанности, переживанием рабочего Я как тотального Я, общим интерсубъективным миром и стандартным временем [Там же, с. 17].

Шюц, отказываясь от онтологического аргумента, делает несколько заходов на обоснование тезиса о верховенстве реальности повседневной жизни. Один из них — аргументация через внутреннее устройство этой конечной области смыслов, соответствующее постулируемому базовому свойству Я.

«Вся система релевантностей, которая управляет нами при естественной установке, основывается на основном опыте каждого из нас: я знаю, что должен умереть, и я боюсь умереть. Такой основной опыт мы предлагаем называть *основополагающим беспокойством*. Это изначальное предвосхищение, дающее начало всем остальным. Из основополагающего беспокойства вытекают многие взаимосвязанные системы надежд и страхов, желаний и удовлетворений, шансов и рисков, которые побуждают человека при естественной установке стремиться подчинять мир, преодолевать обстоятельства, разрабатывать проекты и реализовывать их.

Но основополагающее беспокойство само по себе — не более чем коррелят нашего существования как человеческих существ в верховной реальности повседневной жизни, поэтому надежды и страхи и соотносимые с ними удовлетворения и разочарования основаны на и возможны только в мире рабочих операций» [Там же, с. 16].

Апелляция к страху смерти (он может быть проинтерпретирован как страх прекращения опыта) в качестве переживания, априорно присущего Я и толкающего его на совершение действий, которые возможны лишь в мире повседневности, обосновывает статус повседневности как верховной реальности ровно в той степени, в которой можно согласиться с тем, что Я испытывает подобный страх.

Другой аргумент Шюца в защиту тезиса о верховенстве реальности повседневной жизни состоит в подведении более глубоких философских оснований. Шюц утверждает с опорой на Гуссерля, что повседневность — единственная конечная область смысла, в которой совпадают предикации существования и предикации реальности. («Противоположностью первых являются предикации несуществования, последних — предикации нереальности, вымысла» [Там же, с. 22]). «Я могу вообразить великанов, волшебников, крылатых лошадей, кентавров, даже *perpetuum mobile*, но не правильный десятигранник, пока я не упрусь — как я должен был бы поступить при полном бодрствовании — на слепое сопоставление пустых понятий» [Там же, с. 22]. Так, явленное в мире

фантазий, сна или теоретизирования будет по-своему реальным, но, согласно Шюцу, нельзя сказать о существовании объектов этих миров.

Граница мира повседневности, как и границы других конечных областей смысла, непроницаема в том понимании, что между ними невозможен последовательный переход. Для того, чтобы переместиться из одного мира в другой, необходимо осуществить «скачок», пережить «шок», который «является ни чем иным как радикальным изменением напряжения нашего сознания, основанным на различном *attention à la vie*» [Там же, с. 19]. Шок переживается при засыпании, подъеме театрального занавеса, погружении в мир детской сказки или висящего на стене натюрморта. Это происходит вследствие того, что совместимость переживаний возможна лишь в пределах одного когнитивного стиля, то есть внутри границ только одной из множества *конечных* областей смысла. «Их конечность предполагает, что не существует возможности соотнесения одной из этих областей с другой путем введения формулы трансформации» [Там же, с. 18].

Именно этот тезис будет оспорен Ирвингом Гофманом спустя почти тридцать лет.

Тезисы о множественности миров и формулах трансформации: противоречие в основаниях

Как было сказано во введении, в «Анализе фреймов» можно найти два понимания повседневности. Первое сохраняет за повседневностью особый статус, статус верховной реальности. Именно на него указывает Гофман, когда говорит, что забава или обман, репетиция или фантазия являются «живыми тенями вещей», которые «встроены в механизм движения мира, хотя пригнаны к нему не так плотно, как рутинная повседневная деятельность — деятельность в буквальном смысле слова» [Гофман, 2003, с. 677]. Второе связано с рассмотрением повседневности как одной из множества рядоположенных реальностей, не обладающей привилегированным положением: «повседневная жизнь, сама по себе достаточно реальная, довольно часто оказывается многослойным отображением некоего образца или модели, которые сами являются воплощением чего-то весьма неопределенного в своем бытийном статусе» [Там же, с. 679][1].

1 Представленные понимания повседневности во многом соответствуют тому, что В. Вахштайн назвал онтологистской и релятивисткой программами в социологии повседневности [Вахштайн, 2011, с. 105]. Однако следует проявить осторожность и помнить, что реальность

Возникновение двух радикально отличных осмыслений повседневности в рамках одной теории вызвано тем, что последняя содержит тезисы, между которыми нет прямого противоречия, но которые основываются на противоречащих допущениях. Это тезисы о множественности миров и возможности их соотнесения.

В разделе, посвященном Джеймсу, показано, что множественность миров возникает постольку, поскольку сознание, не способное мыслить совместное существование противоречащих объектов (в целокупности их связей), разносит их по различным реальностям. Один из этих миров приобретает господствующее положение. Так, в теоретическом рассуждении появляется повседневность как мир победивших объектов мысли. Такова она для Джеймса и Шюца, такой она прокрадывается в теорию фреймов вместе с тезисом о множественности миров.

Возможность соотнесения миров, введения формул, ключей их транспонирования — теоретическая находка Гофмана. Он пишет: «Джеймс и Шютц забывают пояснить, что повседневность заключается не в том, что индивид ощущает как реальность, а в том, что завладевает им, поглощает и увлекает его; события повседневности можно считать реальными и одновременно нереальными. Обнаруживается структурное сходство между миром повседневности — забудем на время о невозможности создать сколь-нибудь полный каталог миров — и различными иллюзорными „мирами“» [Там же, с. 66]. Именно установление структурного сходства между мирами позволяет говорить о возможности транспонирования и фабрикации, эта возможность неоднократно демонстрируется на страницах «Анализа фреймов».

Возможность трансформации напрямую противоречит тезису Шюца о непроницаемости границы между мирами, о котором шла речь в соответствующем разделе. Как было показано выше, этот тезис не произволен: скачок между мирами есть скачок напряжения внимания от уровня одной конечной области смыслов к уровню другой области. Сознание вынуждено переживать шок, поскольку области конечны, замкнуты, то есть существуют автономно. Постулирование замкнутости миров, которое осуществляет Шюц, — логическое продолжение тезиса Джеймса об их множественности, основывающегося на допущении о необходимости разрешения противоречий между объектами. Занимая в этом вопросе позицию, противоположную

конституируется смыслом опыта, а не онтологией объектов. По крайней мере, это справедливо для Джеймса и бесспорно для Шюца, которых можно отнести к основателям онтологистской программы.

позиции Шюца, Гофман в конечном счете отвергает, казалось бы, незначительное джеймсовское допущение. Но оно в неявном виде было принято им ранее, и именно это приводит к возникновению двух полярных осмыслений повседневности.

Следствие смягчения допущения Джеймса для теории фреймов: продолжающееся переключение

Тот, кто стоит на почве истории теорий, сохраняет иллюзию ее устойчивости, чего лишен совершающий попытку сделать шаг вперед (его подстерегают другие призраки, например, веры в оригинальность). Поэтому дальнейшие размышления несут предварительный характер, их скромная задача — лишь наметить путь, а не проложить тракт.

Поскольку напряжение между двумя пониманиями повседневности упирается в допущение о необходимости устранения противоречия между объектами, работа с этим допущением видится потенциально продуктивной. В теоретизировании Джеймса оно играет инструментальную роль и принимается по большей части на уровне здравого смысла. За ним стоит своя правда: наличие или отсутствие крыльев у кобылы Мэгги — безусловно, серьезный вопрос, требующий однозначного решения. Сходным образом дело обстоит в научной теории: противоречие в осмыслениях повседневности также заставляет делать выбор, но мало того, что он не осуществляется в мгновение, теория фреймов успешно обходилась и без него. (Вопрос о распознавании противоречий останется в стороне.)

Смягчим это допущение. Противоречие между объектами разрешается, но не во всех случаях. Иногда объекты находятся друг от друга на таком расстоянии, преодоление которого не требует резкого, скачкообразного изменения напряжения сознания, если угодно, они находятся на краю миров и требуют к себе внимания, в той или иной степени отличающегося от внимания, которое запрашивают объекты в «ядре» мира. Если сделать попытку визуализации, то граница между мирами продолжает существовать, но в некоторых местах она прерывается, и там можно увидеть, как миры градиентно перетекают друг в друга.

То, что граница между мирами зачастую не может быть четко обозначена, иллюстрируют, к примеру, исследования перформативности научного знания. Д. МакКензи [MacKenzie, 2007], изучающий перформативность экономической теории, рассматривает следующий случай, в котором проявляется градиентность границы между миром теории и повседневностью биржевых игроков. Он описывает то, как в 1970-х годах с разработкой

формулы расчета стоимости опционов Блэка — Шоулза — Мертона трансформируется ценообразование на бирже: оценка стоимости и доходности деривативa на тот момент была сложной задачей, и среди игроков начали распространяться листки со стоимостью опционов, рассчитанных в соответствии с теоретической формулой. Они быстро набрали популярность, так как их использование облегчало работу, и через какое-то время цены на бирже стали соответствовать теоретическим расчетам. Повседневность игроков не преобразовалась в одночасье, она изменялась постепенно, по мере того, как к объектам мира повседневности добавлялись объекты, стоящие на его периферии. Экономическая формула относится к миру теории, но можно ли сказать однозначно, к нему или к миру повседневности принадлежит запись этой формулы, рассчитанная по ней стоимость, листки с расчетами на месяц, продающиеся игрокам за $300? Дать ответ с полной уверенностью невозможно.

Здесь, как и у Джеймса, рассматривающего субуниверсумы как целокупности связанных между собой объектов мысли, возникает образ миров как сетей (иногда имеющих общие узлы). Это не случайно, так как МакКензи опирается на идеи Мишеля Каллона, оказавшего влияние на разработку акторно-сетевой теории, в рамках плоского мира которой рядоположенность объектов знания и других объектов не вызывает сомнений. Может возникнуть соблазн говорить мирах и фреймах на ее языке, что предлагает Латур [2007] в своей статье «Об интеробъективности». Он пишет: «Для того, чтобы фреймировать взаимодействие, нам необходимы перегородки и укромные места. [...] Почему бы не обратиться к чему-то еще — к тем бесчисленным объектам, которые [...] повсеместно присутствуют у людей, локализируя или глобализируя взаимодействие? Как можно воспринимать кассу без окошка, стекла, двери, стенок, стула? Разве они в буквальном смысле не образуют фрейм взаимодействия?» [Там же, с. 85, 87]. Латур предлагает буквальное понимание фрейма как каркаса взаимодействия, образованного актантами, встроенными в более широкие сети — миры, системы фреймов. Однако радикально онтологизированное понимание, предложенное Латуром, исключает когнитивный элемент. При этом для Джеймса объекты были объектами мысли; для Шюца в качестве ключевой характеристикой конечной области смысла представлялось напряжение сознание, attention à la vie. Что касается Гофмана, то для него один из элементов фрейма — вовлеченность[1]. Объекты,

1 «Определения ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых,

безусловно, находятся в связи друг с другом, и для анализа этой связи понятие сети может оказаться продуктивным, однако также нельзя забывать о сознании, внимании, вовлеченности действующего.

Вернемся к теории фреймов. Какие следствия для нее несет смягчение допущения Джеймса? Основное из них состоит в том, что смягчение допущения позволяет говорить о трансформации фреймов как о продолжающемся процессе. В этом смысле заключение в кавычки отрезка деятельности — это, если воспользоваться терминологией Грегори Бейтсона [2000], не всегда результат дискретного считывания метакоммуникативного сообщения вида «это — игра»: может происходить как постепенное *закавычивание*, так и *раскавычивание*. С одной стороны, можно, как по щелчку, провалиться в сновидение и проснуться или вместе с поднятием занавеса очутиться в мире театрального действа. С другой, погружение в сон и пробуждение могут происходить постепенно, в этом случае реальные очертания мира размываются и теряются, исподволь сливаясь с объектами мира сновидения и сменяясь ими, текучими и ускользающими объектами, которые вслед за этим так же плавно уступят место яви. Также есть возможность, что научный текст вдруг начнет превращаться в художественный. Дружеское боксирование двух джентльменов может превратиться в драку, причем ни они сами, ни наблюдатель впоследствии не смогут сказать, где закончилось одна форма организации опыта и началась другая, хотя и игра, и драка будут распознаны безошибочно. В подобных примерах метакоммуникативное сообщение не появляется моментально; оно, являясь таким же объектом, проявляется по мере переключения внимания.

Отсутствие явных скобок (которое можно приравнять к их установлению в процессе) между фреймами не превращает организованную деятельность в поток практик. Во-первых, их устранение — частный случай. Во-вторых, наличие общих структурных элементов, позволяющее перейти, минуя скобки, от одного фрейма к другому внутри общей системы фреймов, не позволяет их объединить ввиду наличия двух отличных социальных организаций. Разговор о погоде может перетечь в разговор о политике, но это не отменяет того, что эти типы разговоров могут существовать автономно друг от друга..

в зависимости от субъективной вовлеченности (involvement) в них. Словом „фрейм“ я буду обозначать все, что описывается этими двумя элементами» [Гофман, 2003, с. 71].

Следствия смягчения допущения Джеймса для понимания повседневности в теории фреймов

Вернувшись к допущению Джеймса и его теоретизированию, которое для Гофмана обладало ценностью интеллектуального прорыва, но не рассуждения, на которое можно опереться[1], мы можем иначе взглянуть на отношение между реальностями и на мир повседневности в теории фреймов.

Так как переключение может рассматриваться в качестве постепенного снятия актуализации объектов одного мира и актуализации объектов другого мира, то нельзя говорить о том, что мир игры или фантазии — копия, подобие мира реальности повседневной жизни. Это иные миры с иными объектами. В этом смысле повседневность теряет свое верховенство, так как объекты других реальностей независимы от объектов повседневности. Но, что важно, сама повседневность также не может пониматься как результат трансформации другого мира. Таким образом, формула переключения — не формула трансформации одного мира в другой, но описание изменения установки сознания, вместе с которой изменяются и объекты; в одних случаях это изменение может быть описано в понятиях скачка, в иных — осуществляется постепенно.

Возможность градиентного перехода между мирами позволяет говорить о существовании ядра и периферии повседневности. Часто события повседневной жизни, воспринимаемые участниками в первичной системе фреймов, могут начать терять свою обыденность. Это происходит в тех ситуациях, когда им достается нестандартная мера внимания. В одном случае падение кирпича в метре от прохожего вдруг превращается в намек судьбы, в другом — в очередное волнение тусклого мира улицы. Ни участник, ни наблюдатель еще не могут сказать, что произошло что-то большее (или меньшее), чем падение кирпича, однако с перепадами вовлеченности ткань повседневного мира начинает утончаться.

Границы повседневности исторически меняются. Изучение того, как именно происходит оповседневнивание и расповседневнивание опыта, как устанавливается граница между повседневностью и другими реальностями в случае, если она отсутствовала, и как она размывается — отдельная исследовательская задача. Пограничные объекты, связанные с объектами двух миров, теряют

1 «Главный прием Джеймса заключался в инспирирующей игре со словом „мир“ (или «реальность»). Но, конечно, речь должна идти не о мире, а о мире непосредственного восприятия отдельного человека. Фактически дело не доходит даже до мира непосредственного восприятия. Не надо умных слов. Джеймс распахнул окна свежему воздуху и свету» [Гофман, 2003, с. 63].

и приобретают связи, связи укрепляются и ослабляются, и в итоге объект из сопредельной зоны попадает в сферу повседневного или выходит из нее. Но каковы характеристики повседневности и можно ли говорить о ней, как о верховной реальности?

Основным свойством мира повседневности, обеспечивающим его верховенство (тут сложно уйти далеко от Джеймса), является внимание к наибольшему по сравнению с другими мирами числу объектов в целокупности связей между ними. При чрезмерной концентрации на объекте, которую проявляют, к примеру, участники спортивных соревнований, объект воспринимается в отрыве от своих связей. Так, в момент взятия веса для тяжелоатлета существуют лишь он и снаряд; посредством актуализации одних объектов мира и снятия актуализации связей с другими объектами он осуществляет переключение первичной системы фреймов в спортивное состязание. В других случаях, например, при переживании религиозного опыта, повседневность также трансформируется, так как чувство единства всего мира, в котором все связано со всем, предполагает чрезмерную актуализацию связей между объектами в отрыве внимания от объектов самих по себе.

При каких обстоятельствах мы считаем вещи реальными? Когда внимание равномерно распределено между объектами и связями между ними. Именно такая установка сознания делает мир повседневности более прочным и устойчивым по сравнению с мирами выдумок, игр, теоретизирования и галлюцинаций. Впрочем, характер связи между объектами и, если угодно, когнитивным стилем, требует прояснения и может стать предметом последующего рассуждения.

Библиография

1. *Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Экология разума. Избр. статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 205–220.*
2. *Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011.*
3. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.*
4. *Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.*
5. *Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.*
6. *Hazerligg L. Reading Goffman's Framing as Provocation of a Discipline // Erving Goffman/G. Fine, G. Smith (eds.). Vol. III. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 2000, p. 137–160.*

7. *James W. The Psychology of Belief // Mind. 1889. Vol. XIV. № 55. P. 321–352.*
8. *James W. The Perception of Reality // Principles of Psychology. N. Y.: Henry Colt and Company, 1905, p. 283–324.*
9. *MacKenzie D. Is Economics Performative? Option Theory and the Construction of Derivatives Markets // MacKenzie D. Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics/F. Muniesa, L. Siu (eds.). New Jersey: Princeton University Press, 2007, p. 54–86.*